

УДК 323.21

DOI 10.21661/r-117413

Ю.А. Узлов

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД К ОСМЫСЛЕНИЮ ГОСУДАРСТВА В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Аннотация: в статье рассматриваются отдельные социокультурные сегменты государственного управления как объектов выбора интерпретации и актуализации российской модернизации. Отмечено, что стратегия экономического роста современной России невозможна без радикальной реформы государственного управления.

Ключевые слова: традиции, инновации, культура, социальные факторы, модернизация.

Uy.A. Uzlov

SOCIOCULTURAL APPROACH TO UNDERSTANDING THE STATE IN THE HISTORY OF RUSSIAN MODERNIZATION

Abstract: this article discusses some sociocultural segments of public administration as objects of choice of interpretation and actualization of Russian modernization. The author points out, that the strategy of modern Russian economic growth is impossible without a radical reform of public administration.

Keywords: tradition, innovations, culture, social actors, modernization.

Современная эпоха характеризуется активным процессом становления российской государственности и институтов гражданского общества, которые служит основополагающей предпосылкой модернизации политической системы, нахождения оптимального баланса между государством и обществом в качестве основополагающего условия стабильной общественно-политической жизни. Эффективное государственное управление представляется важным условием, позволяющим осуществлять реформы, направленные на формирование демократического государства.

Обращение к теме государственного управления как общественно-политического явления, направлено на поиск оптимальных подходов и определений во всем их многообразии сложности и противоречий, чтобы определить главное и второстепенное, сформулировать выводы и предложения.

Под государственным управлением в общественном сознании понимается, прежде всего, содержание национально-государственной идеи и практики ее реализации, что в той или иной мере вписывается в понятие «государственность».

Власть в общественном сознании является неотделимым элементом всякой общественности, а государство – завершением системы общественной власти. То, что государство вытекает из самих глубин человеческого сознания, является такой же истиной, что и аксиома об обретении людьми в лице государства высшего орудия для «охраны своей безопасности, права и свободы» [1, с. 25–26].

Л.А. Тихомиров [2, с. 29] в книге «Монархическая государственность» рассматривает государство, как союз социальных групп, основанный на общечеловеческих принципах и находящийся под влиянием религиозно-философских представлений.

С.А. Авакьян [3] указывает на наличие двойных стандартов в оценке деятельности институтов власти, политическую нетерпимость, не внятную регламентированность процедурластной деятельности, слабую экономическую обоснованность в разработке правовых актов и отсутствие в обществе уважения к праву.

Российское государство переживает период обновления и реформирования, однако стремление в этом поиске не утратить свою самобытную идентичность зачастую приводит к коллизиям в политике, экономике, культуре. Происходит это потому, что образ жизни и духовный склад россиян, укоренившиеся за десятилетия и столетия, несмотря на радикальные перемены, вносят существенные корректизы в способы достижения демократии и рыночной экономики, полноценности индивидуальной человеческой жизни. Из чего следует, что недооценка традиционных национально-нравственных ценностей общества может вновь привести к утрате системной целостности [4, с. 203].

Традиции в государственном управлении могут реально выражаться, обсуждаться, выбираться, а также действовать по схеме фундаментализма, как шаблон истины безотносительно к их последствиям. Традиции составляют важный элемент коллективной памяти и являются объектом выбора культурных образцов недавнего и далекого прошлого, находящихся в их распоряжении. Набор данных образцов не бесконечен и выбор осуществляется в рамках хотя и широкого, но ограниченного диапазона. В обществе существует определенный набор культурных образцов, которые обозначаются как коллективное сознание.

Роберт Михелс [5, с. 551] в работе «Социология политической партии в условиях современной демократии» утверждает, что «прямое господство масс технически невозможно» и потому режим неизбежно вырождается во власть немногих избранных – олигархию. Любая форма социальной организации передает в номенклатуру, как только лидеры партии и профсоюзов становятся членами парламента, они меняют свой социальный статус и становятся членами правящей элиты.

История человечества есть не что иное, как смена преобладающих настроений среди элиты, когда к власти могут приходить лидеры с психологией «львов», склонные к консерватизму, однако постепенно в сознании элиты распространяется философия «лис», т.е. людей, склонных к риску. «Лисы» приводят общество к кризису, и происходит возвращение консерваторов к власти [6, с. 145].

Мануэль Кастельс [7] анализируя протестные движения последних лет, включая Россию, отметил, что в современном обществе распределение власти зависит от возможности контролировать не только информацию, но и коммуникацию между людьми. Современные правительства по всему миру утрачивают этот контроль: люди самостоятельно информируют друг друга и координируют свои действия через интернет, образуя мощные протестные движения против устаревших социальных институтов. Идеи распространяются как вирус, от человека к человеку, от пользователя к пользователю. Новые общественные движения спонтанны и не имеют лидеров. Эти движения принципиально не прибегают к насилию. Они воздействуют на общество медленно, но неизбежно, создавая

новые ценности и тем самым меняя социальную структуру. Отдавая должное современной демократии, Кастельс приходит к выводу, что она далека от совершенства, в обществе ограничиваются индивидуальное и коллективное творчество, информационное пространство и технологии монополизированы узкой группой лиц, что неизбежно приведет к новой демократии.

В России «собирание земель» стал главным смыслом в государственном строительстве и источником легитимности власти, что дало основание В.О. Ключевскому квалифицировать историю России, как «историю страны, которая колонизуется» [8, с. 31].

Принципы рекрутования правящей элиты в Московском государстве, куда входило высшее военное и гражданское руководство, купечество и духовенство основывались на получении «привилегий за службу», стержнем такого управления являлось местничество, предполагавшее наделение землей, крестьянами и пр. на договорных отношениях.

Петровские реформы изменили основы формирования правящего класса, отличительной чертой нового принципа была не знатность рода, а личные способности и образование. Ротация кадров в органы власти и управления осуществлялась не только из традиционных источников, но пополнялась из талантливых представителей других сословий, что соответствовало западноевропейским традициям. Правящий класс не выпускал власть из своих рук, даже не предпринимал попыток, делиться ею с низшими сословиями, элита оставалась закрытой, она лишь слегка приоткрыла дверь для выходцев из более низких социальных слоев в высшее общество.

В то время, когда в Европе активно формировалось гражданское общество с рыночной экономикой, в России выстраивалось военно-полицейское государство, где имели место ограничения рамками государственных интересов. Государственная служба была далека от положения праздного класса, повинности падали на высшее общество с наибольшей тяжестью.

Накануне Великой французской революции, руками Екатерины II Российская империя обрела сословную замкнутость: дворянство, получившее наименование «благородное», законодательно освобождалось от обязательной службы, личных податей и телесных наказаний, имения объявлялись полной собственностью их владельцев.

В XIX веке, в царствование Александра I происходит усиление бюрократии, все заметнее становится роль просвещенной общественности в российской повседневности. Либеральная часть общества видела отсталость страны в плохом управлении и коррупции.

В программных установках российских либералов XIX в. большое внимание отводилось государственному управлению и крестьянскому вопросу. Крестьянство после отмены крепостного права в большей степени, чем другие слои населения страдало от политического бесправия, административных пут и экономического гнета, связанного с их малоземельем. Поэтому проблемы реформирования государственного управления, формирования единого гражданского общества, построение правового государства напрямую связывались с решением социальных вопросов, крестьянского землепользования и землевладения.

Начиная с 80-х гг. XIX в. на страницах либеральных журналов появились статьи о необходимости создания в волостях земских органов самоуправления. Журнал «Вестник Европы» писал: «Сделайте волость учреждением всесословным, чтобы плательщиками было все местное население, имеющее землю или какое-либо имущество, без различия сословий – только тогда, трудолюбивые хозяйствственные крестьяне будут полезны своему обществу, только тогда они смогут поднять производительность своей земли» [9, с. 435].

Значительную часть либеральных проектов занимала социальная проблематика, в которой приоритетным направлением было переустройство крестьянской жизни, которое предполагало реформирование, как общинного землевладения, так и сословных крестьянских учреждений, всей системы государственного управления на местах. Необходимо было преодолеть разрыв между городской и

сельской культурами, сложившимися еще в феодальном обществе и продолжавшими существовать в новых буржуазных условиях российской действительности.

А.Б. Венгеров [10] обозначил пять перманентно обостряющихся проблем российской государственности: крестьянская, национальная, геополитическая, питейная, модернизационная.

Н.М. Карамзин вывел закономерность государственной формы правления от размеров страны и уровня грамотности населения. Он полагал, что, несмотря на сословную замкнутость и отсутствие западных либеральных традиций, монархия способна самостоятельно двигаться в сторону прогресса, не прибегая к западному «опыту» [11].

В своих прогнозах Карамзин ошибся: монархия не сумела перестроиться к XX веку, исчерпала отпущенный ей лимит времени. В феврале 1917 г. пала монархия, в октябре – Временное правительство. Сменилась политическая система, изменился механизм управления и социальная карта многонационального государства, на смену дворянам и купцам к власти пришли представители рабочего класса и трудового крестьянства, члены правящей партии, имевшие чаще всего непролетарское происхождение.

Российское государство с XVIII в. носило преимущественно имперский характер, которое реализовывалось как в виде субкультурных заимствований, так и в форме вынужденной адаптации тех или иных сторон социальной жизни к актуальным задачам государственного строительства. Причисляя себя к западникам, национальная элита переносила на русскую почву семена модерна без должного учета национальных особенностей.

При всей очевидности интереса национальной элиты ко всему западному, российское государство на протяжении всей своей истории ограничивало свои связи с внешней социальной, религиозной и культурной средой, что неизбежно приводило к замедлению культурной и социальной динамики российского общества. Консервативные традиции, их доминирование над инновацией, имеющей часто экзогенное происхождение, в течение длительного времени определяли

цивилизационное развитие России и не приводили к изменению повседневности социума [12, с. 524].

Революции и войны первой половины XX века произошли из-за слишком долгого и упорного стремления правящего класса сохранить историческую, политическую, экономическую и культурную самобытность, пыталось найти рецепты в традициях прошлого. То, что в Европе вызревало в течение столетий, в России делалось быстро, в течение пяти-пятнадцати лет. Вместо того чтобы вести народ путем постепенных улучшений, правительство останавливает всякое движение и подавляет всякую свободу, оно неизбежно приводит к необходимости крутого перелома. Приходится разом наверстывать потерянное время [13, с. 509].

Пролетарское государство сохранило в своей основе практику своих предшественников. Новая власть охотно приняла силовые традиции прошлого по устраниению любой политической оппозиции и отдавала предпочтение тем, кто доказывал свою преданность правящему режиму. Советское государство столкнулось с пластом архаической жизни, тысячелетней культурой крестьянства, сохранившего в своих обычаях и преданиях нечто от незапамятных времен.

Необходимо признать, что государственное управление советского периода примечательно тем, что это была относительно удачная политика в рамках имперской системы, в смысле решения тактических задач текущего исторического момента, которые состояли в том, чтобы успешно противостоять Западу в военно-политическом соперничестве.

В истории все повторяется, провозглашенные в 90-е годы реформы, как курс на демократизацию и модернизацию, обернулись на деле победой бюрократии над идеологией эгалитаризма, социально-экономическим и политическим кризисом, что явилось следствием концентрации экономических и политических ресурсов в руках правящей группы, слабо связанной с национальными интересами.

В конце XX века закончилась советская эпоха. Поражение в холодной войне ознаменовало конец противостояния различных социальных систем, что озна-

чало конец соперничества либеральной и имперской моделей. Радикальное ускорение исторической и социокультурной динамики вызвало все возрастающую неопределенность, увеличивая возможную вариативность развития цивилизации в целом, так и отдельных культурно-исторических ареалов. Возникло «определенное социально-психологическое состояние нации, народности, народа, граждан, запечатлевшее в себе результаты длительного и устойчивого воздействия этнических, естественно-географических и социально-экономических условий проживания субъекта менталитета» [14, с. 94].

Власть предлагает обществу идеологию, которая была связана с героическим прошлым, того времени, когда у нас была «великая эпоха». «Мы хотим жить в настоящем, и единственная история, которая хоть что-то значит, – это та, которую мы делаем в данный момент» [15, с. 26].

Очевидно, что только эффективное государственное управление способно интегрировать интересы граждан, гармонизировать отношения, укрепить социальные связи, формируя солидарность и сопричастность, являющиеся важнейшими показателем демократии.

Остается бесспорным, что стратегия экономического роста современной России невозможна без радикальной реформы государственного управления. На местах должны быть сформированы благоприятные условия для предпринимательской активности в малом и среднем бизнесе, созданы рабочие места и возможность дополнительных доходов для населения.

Любые реформы и национальные проекты будут обречены на провал, если не будут созданы реальные условия для развития государственного управления как основы гражданского общества. В российской истории многие известные реформы в прошлом заканчивались неудачей потому, что не могли опереться на силу самодеятельного гражданского общества.

Список литературы

1. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. – СПб., 1992.
2. Тихомиров Л.А. Единоличная власть как принцип государственного строения. – М., 1993.

3. Авакян С.А. Практика российской государственности // Вестник Московского университета. – Сер. 18. – Социология и политология. – 1997. – №1.
4. Узлов Ю.А. Образы России в geopolитической и цивилизационной динамике. – М., 2015.
5. Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Политология. – М., 2000.
6. Парето В. О применении социологических теорий / В. Парето // Социс. – 1995. – №10.
7. Кастельс М. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе. – М., 1999.
8. Ключевский В.О. Сочинения. – Т. 1. – М., 1956.
9. Вестник Европы. – 1894. – №8.
10. Венгеров А.Б. Теория государства и права. – М., 2000.
11. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. – М., 1991.
12. Касьянов В.В. Современная российская бизнес-элита: социологический портрет. Элитология России: современное состояние и перспективы развития / В.В. Касьянов, С.Н. Шаповалов. – Ростов н/Д., 2013.
13. Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия // О свободе: Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). – М., 2000.
14. Бутенко А.П. Менталитет россиян и евразийство: их сущность и общественно-политический смысл / А.П. Бутенко, Ю.В. Колесниченко. – М., 1996, №5.
15. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М., 2002.

Узлов Юрий Андреевич – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Россия, Краснодар.

Uzlov Yuri Andreevich – candidate of historical sciences, associate professor FSBEI of HE “Kuban State University”, Russia, Krasnodar.
